

Журнал и сценарий —
1994. — 6-13 окт. — с. 12

СТАРАЯ ПРОФЕССИЯ

Сижу на террасе ресторана возле отеля «Ритц», думаю, какие вопросы буду задавать Хулио Иглесиасу и стараюсь не слушать эрзац-музыку, доносящуюся из бара. Сегодня я настроился на позитивный строй мыслей: даже, если человек, в данном случае я, не любит поп-музыку, он всегда может назвать полупустой стакан наполовину полным.

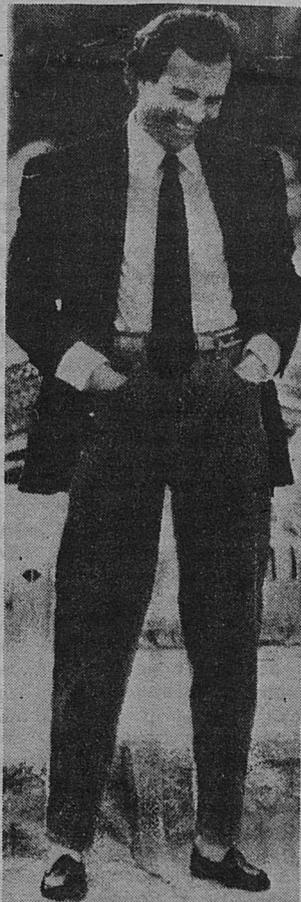
Из всех, кто поет в манере Иглесиаса, мой герой, несомненно, самый лучший. А таких — легион. Стиль Иглесиаса — искренность автопилота, но за его настойчивой приверженностью такому стилю чувствуется печать особого вкуса. Нет, не дурного, а некоего «вкуса пустого места», если будет дозволено так выразиться. Сахар не может быть слащавым; у кукурузы не может быть скорлупы

футбольного клуба «Реал Мадрид», но в 19 лет после автокатастрофы оказался парализован. Врач принес ему гитару, чтобы помочь скоротать время до выздоровления.

«Я просто хотел, чтобы мне не было скучно в постели, — говорит он. — Но потом музыка изменила абсолютно все в моей жизни. Я не мог вообразить себя никем, только певцом».

За 27 лет он записал 71 альбом, получил более 200 золотых и платиновых сертификатов в больших и малых странах мира и попал в книгу рекордов Гиннеса как исполнитель, продавший больше всего дисков на иностранных языках.

Появившийся в вестибюле «Ритца» Иглесиас больше всего похож на звездного героя капитана Кирка из «Стар-трека».

поцелуи. Делегацию работников студии, пришедших полюбоваться на знаменитость, приветствует с таким же радушием, как официантов и портье в отеле «Ритц». Можно ли считать выпендирем полное отсутствие выпендиража? Я задаю этот вопрос его шоферу.

«Думаю, он очень простой человек, — следует ответ, — очень любит людей».

Иглесиас приехал в Париж рекламировать новый альбом «Безумие», на котором поет бразильские, итальянские, французские, испанские и американские песни (это его четвертый альбом на английском языке). Некоторые композиции исполняются дуэтом с Долли Партон, Stingом и Артом Гарфункелем. Альбом заканчивается «мелодией», которую можно слушать только человеку либо с крепкими нервами, либо с полным отсутствием музыкального вкуса. А луч-

няя парижская интеллектуалка прекрасно понимает, каким чудным может показаться ее увлечение Хулио Иглесиасом, но она попыталась сформулировать для меня свои чувства: «Его имидж — настоящий латинский любовник. Конквистадор. Торе-ро. Он — Порфирио Рубираса от песни. В обычной жизни такая личность оказалась бы мне отвратительной. Но я ничего не могу поделать — он кажется мне сложнее своего имиджа. Я вижу одинокого человека, сердце которого страдает, не находя истинной любви. Его сердце иссекает кровью от любви ко мне».

Иглесиас принимал участие в записи последнего альбома Фрэнка Синатры «Дуэты», который стал хитом. Наверное, есть смысл задуматься, что общего у двух шансонье; по крайней мере, на поверхности есть немало любопытных фактов. Например, оба курят и

ГИПНОТИЧЕСКОЕ ОТСУТСТВИЕ НАСТОЯЩЕГО

пы; а потому Хулио Иглесиас наилучшим образом делает то, что ему доступно. Полное отсутствие негативных эмоций в его творчестве кажется, как ни странно, освежающим. Он не вульгарен, не мизантроп, чего еще желать? Певец просто выдыхает воздух, пусть переработанный, но не загрязненный. Его манера, которую сам Иглесиас называет «огонь в камине и вино «Курвуазье», настолько гипнотизирует, что слушатель теряет всякое желание искать в песне настоящую глубину. Разумеется, мы не обязаны его слушать, но и избежать его песен довольно трудно — они как огромные стенды по обочинам автострады под названием «Информация».

Иглесиас родился в Мадриде в 1943 году в семье домашнего врача, в детстве мечтал о карьере дипломата, был голкипером

По крайней мере, создалось полное впечатление, что вокруг него завихряются потоки материи, вращаются лучи света и мерцают звезды. Пятидесятилетний певец выглядит удивительно молодо; у него загорелое лицо, густые волосы, почти нет морщин. Иглесиас живет в Майами, поддерживает спортивную форму и не собирается ни толстеть, ни стареть.

А самое удивительное — все в нем кажется настоящим. Настоящее участие к людям, которых он едва знает; настоящий интерес к вопросам журналистов. Что это — безыскусное отношение к жизни как она есть, или тщательно отрепетированный спектакль? Он смотрит в глаза окружающих, ухитряясь не смущаться и не смущать собеседника. Он целует дамам руки без малейшего стеснения, и в его присутствии кажется,

что так должен поступать каждый мужчина.

Мы ужасиваемся на заднее сидение лимузина, который отвезет нас в радиостудию, где Иглесиасу предстоит интервью в выпуске вечерних новостей. Он достает пачку «Мальборо», спрашивает «вы курите?» и, получив утвердительный кивок, в восторге жмет мне руку обеими ладонями, так, что едва ее не отрывает. Певец рассказывает, что никогда не учился петь. «Призвание важнее профессионализма. Наверное, поэтому я до сих пор так люблю петь». Я говорю, что люблю журналистику по той же самой причине, и он снова горячо жмет мне руку.

Мы останавливаемся возле здания радиостанции. Кучка поклонников выскакивает из кафе напротив и скандирует «Хули-о! Хули-о!» Он в ответ посылает воздушные

ше — и того, и другого. Это поп-версия Девятой симфонии Бетховена. Но самым возмутительным является тот факт, что мне не хочется возмущаться.

Передо мной шоумен, который продает миллионы пластинок людям, которых я не знаю и никогда не узнаю, потому что люди, которых я знаю, смеются при упоминании одного его имени. Но почему? Что комичного в явлении под названием «Хулио Иглесиас»? Может быть — попытка понравиться сразу всем людям всех возрастов, наций и мировоззрений? Он берет публику на руки, целует ее в щечку и нежно улыбается, проникновенно глядя ей в глаза. Он — последний любовник стареющей домохозяйки. Он — фантазия, мечта, сублимация несбыточного.

Моя знакомая, 44-лет-

оба считают, что курение только помогает сохранить голос. И того, и другого с удовольствием слушают и образованные люди, и полуграмотные крестьяне в какой-нибудь стране третьего мира. Но с другой стороны, хотя мое общение с Иглесиасом привело к невольному восхищению его личностью, я не могу сказать то же самого о его песнях. Счет не в его пользу. Или не в мою? Что это — переработанный воздух, искусственно окрашенное черное кино, персонификация псевдоличности? Как его описать? Похоже, в руках у меня оказались два наполовину пустых стакана.

«Безумие». Именно так, в кавычках, как название его альбома.

Майк ЗВЕРИН.
ПАРИЖ.